

Лев Толстой

**Упустишь огонь – не
потушишь**

Лев Толстой

Упустишь огонь – не потушишь

«Public Domain»

1885

Толстой Л. Н.

Упустишь огонь – не потушишь / Л. Н. Толстой — «Public Domain», 1885

«Жил в деревне крестьянин Иван Щербаков. Жил хорошо; сам был в полной силе, первый на селе работник, да три сына на ногах: один женатый, другой жених, а третий, подросток, с лошадьми ездил и пахать зачинал. Старуха Иванова была баба умная и хозяйственная, и сноха попалась смирная и работающая. Жить бы да жить Ивану с семьей...»

© Толстой Л. Н., 1885

© Public Domain, 1885

Содержание

Лев Николаевич Толстой	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Лев Николаевич Толстой

Упустишь огонь – не потушишь

Тогда Петр приступил к нему и сказал: господи, сколько раз прощать брату моему, согрешающему против меня? до семи ли раз? (Матф. XV III, 21).

Иисус говорит ему: не говорю тебе до семи, но до седмижды семидесяти раз. (22)

Посему царство небесное подобно царю, который захотел сосчитаться с рабами своими. (23)

Когда начал он считаться, приведен был к нему некто, который должен был ему десять тысяч талантов. (24)

А как он не имел, чем заплатить, то государь его приказал продать его, и жену его, и детей, и все, что он имел, и заплатить. (25)

Тогда раб тот пал и, кланяясь ему, говорил: государь! потерпи на мне, и все тебе заплачу. (26)

Государь, умилосердившись над рабом тем, отпустил его и долг простил ему. (27)

Раб же тот, вышедши, нашел одного из товарищей своих, который должен был ему сто динариев, и, схватив его, душил, говоря: отдай мне, что должен. (28)

Тогда товарищ его пал к ногам его, умолял его и говорил: потерпи на мне, и все отдам тебе. (29)

Но тот не захотел, а пошел и посадил его в темницу, пока не отдаст долга. (30)

Товарищи его, видевши происшедшее, очень огорчились и, пришедши, рассказали государю своему все бывшее. (31)

Тогда государь призывает его и говорит: злой раб! весь долг тот я простил тебе, потому что ты упросил меня. (32)

Не надлежало ли и тебе помиловать товарища твоего, как и я помиловал тебя? (33)

И, разгневавшись, государь его отдал его истязателям, пока не отдаст ему всего долга. (34)

Так и отец мой небесный поступит с вами, если не простит каждый из вас от сердца своего брату своему согрешений его. (35)

Жил в деревне крестьянин Иван Щербаков. Жил хорошо; сам был в полной силе, первый на селе работник, да три сына на ногах: один женатый, другой жених, а третий, подросток, с лошадьми ездил и пахать начинал. Старуха Иванова была баба умная и хозяйственная, и сноха попалась смирная и работящая. Жить бы да жить Ивану с семьей. Только нерабочих ртов во дворе и было, что один старик отец больной (от удушья седьмой год на печи лежал). Всего было вдоволь у Ивана – 3 лошади с жеребенком, корова с подтелком, 15 овец. Бабы обували, обшивали мужиков и в поле работали; мужики крестьянствовали. Хлеба своего за новину переходило. Овсом подати и нужду всю справляли. Жить бы да жить Ивану с детьми. Да двор об двор жил с ним сосед Гаврило Хромой – Гордея Иванова сын. И завелась с ним у Ивана вражда.

Пока старик Гордей жив был и Ивана отец хозяйствовал, жили мужики по-соседски. Понадобится сито бабам или ушат, понадобится мужикам веретье или колесо сменить до времени, посылают из одного двора в другой и по-соседски помогают друг дружке. Забежит

теленки на гумно – сгонят и только скажут: не пускай, мол, у нас ворох не убран. А того, чтобы прятать да запирали на гумне или в сарае или клепать друг на дружку, того и в заводе не было.

Так жили при стариках. А стали хозяйствовать молодые – пошло другое.

Затеялось все из пустого.

Занеслась у Ивановой снохи рано курочка. Стала молодайка собирать к святой яйца. Что ни день, то идет за яичком под сарай в тележный ящик. Только спугнули, видно, ребята курицу, и перелетела она через плетень к соседу и там снесла. Слышит молодайка, кудахтает курочка, думает: теперь недосуг, убраться надо в избе под праздник; ужотко зайду возьму. Пошла вечером под сарай к тележному ящику – нет яичка. Стала молодайка спрашивать свекровь, деверя, – не брали ли. Нет, говорят, не брали; а Тараска, деверь меньшей, говорит: твоя хохлатка на дворе у соседа снесла, там кудахтала и оттуда прилетела. Посмотрела молодайка на свою хохлатку, сидит рядом с петухом на перемете, уж глаза завела, спать собралась. И спросила бы у ней, где снесла, да не ответит, и пошла молодайка к соседям. Встречает ее старуха.

– Чего тебе, молодка, надо?

– Да что, – говорит, – баушка, моя курочка к вам нынче перелетала, не снесла ли она яичка где?

– И видом не видали. У нас свои, бог дал, давно несутся. Мы своих собрали, а нам чужих не надо. Мы, деушка, по чужим дворам яйца собирать не ходим.

Обидно стало молодайке, сказала слово лишнее, соседка еще два; и стали бабы ругаться. Шла Иванова жена с водой, тоже ввязалась. Выскочила Гаврилова хозяйка, стала соседку укорять, помянула, что было, да и то, чего не было, приплела. И пошла трескотня. Все вдруг кричат, норовят по два слова в раз выговорить. Да и слова-то все дурные. Ты такая, ты сякая, да ты воровка, шлюха, ты и старика свекра мором моришь, ты беспоставочная.

– А ты побирушка, сито мое продрала! Да и коромысло-то у тебя наше, – давай коромысло!

Ухватились за коромысло, воду пролили, платки сорвали, стали драться. Подъехал с поля Гаврило, вступился за свою бабу. Выскочил Иван с сыном, свалились в кучу. Иван мужик здоровый был, раскидал всех. Гавриле клок бороды выдрал. Сбежался народ, насилиу розняли.

С того началось.

Завернул Гаврило свой клок бороды в грамотку и поехал в волостное судиться.

– Я, – говорит, – не затем ее растил, бороду-то, чтобы мне ее конопатый Ванька драл.

А жена его соседям хвалится, что они теперь Ивана засудят, в Сибирь сошлют. И пошла вражда.

Уговаривал их с печи старик еще с первого дня, да не послушали молодые. Говорил он им:

– Пустое вы, ребята, делаете и из пустого дело заводите. Ведь подумайте, все дело у вас из-за яйца завязалось. Подняли ребятишки яичко, ну и бог с ним; в одном яйце корысти нисколько. У бога про всех хватит. Ну, дурное слово сказала, а ты его поправь, научи, как лучше сказать. Ну, подрались – грешные люди. Бывает и это. Ну, подите попроститесь, да крышка всему. А на зло пойдете – вам хуже будет.

Не послушали молодые старика, думали, что все это старик не к делу говорит, а только по-стариковски брюзжит.

Не покорился Иван соседу.

– Я, – говорит, – ему бороды не рвал, он ее сам себе выщипал, а его сын мне пельки оборвал и всю рубаху на мне. Вот она.

И поехал Иван судиться. Судились они и у мирового и у волостного. Пока судились, пропал у Гаврилы из телеги шкворень. Поклепали Гавриловы бабы этим шкворнем Иванова сына:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.